

Ирина Ерофеева

Производные образования в религиозных текстах "Повести временных лет"

Studia Rossica Posnaniensia 29, 99-106

2001

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ПРОИЗВОДНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕКСТАХ
ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ
THE DERIVATIVES IN THE RELIGIOUS WORKS
OF THE OLD RUSSIAN CHRONICLE *THE STORY OF TEMPORAL AGES*

ИРИНА ЕРОФЕЕВА

ABSTRACT. The most productive word forming types functioning in the religious works of *The Story of Temporal Ages* are considered in the article. The peculiarities of their semantic and stylistic use are revealed. The word forming models of the nouns of action, marked in style and neutral, connected with the representation of the events of religious matter are analysed in the article.

Ирина Ерофеева, Казанский государственный университет, Филологический факультет, Кафедра истории языка и языкознания, ул. Кремлевская 18, 420 098 Казань – Россия.

В древнейшей русской летописи *Повесть временных лет* (далее ПВЛ), содержится большое количество произведений религиозной направленности, объединенных общей идеей – прославлением христианства. Они отличаются возвышенным содержанием, для передачи которого используются соответствующие языковые формы, связанные со славяно-книжной стихией русского литературного языка.

Особенностью языкового знака в древнерусском языке был семантический синкретизм, отражающий синкретизм мышления, свойственный мифологическому сознанию¹. Соотношение словесного знака с денотативной сферой было связано с представлением о предмете во всей совокупности его признаков. Значение слова выявлялось только в контексте, в окружении смежных словесных знаков, определявших не только семантические оттенки в значении слова, но и его стилистическую маркированность.

Одним из важнейшим факторов стилистической организации текстов является словообразование². Отдельные словообразовательные модели в процессе своего формирования закрепились за определенными жанрово-стилистическими сферами древнерусского языка. Имена существительные с фор-

¹ В.В. Колесов, *Семантический синкретизм как категория языка*, „Вестник Ленинградского университета” 1991, серия 2, вып. 2, с. 40.

² В.М. Марков, *Явления суффиксальной синонимии в языке судебных актов XV–XVI вв.*, „Ученые записки Казанского университета” 1956, т. 116, кн. 1, с. 299.

мантами *-ние, -ство, -ость, -ствие, -тель*, относившиеся к стилистически маркированным формам, связанным со славяно-книжной стихией, противопоставлялись образованиям с суффиксами *-ѡ, -ьба, -ьць, -ьникъ* как общеязыковым, нейтральным формам.

Наиболее ярко стилистическое своеобразие погодных статей в *Повести временных лет* обнаруживается при сравнении производных образований, составляющих один из основных семантических центров словообразовательной системы языка – поле действия и состояния³. В произведениях религиозного содержания они использовались для передачи отвлеченных, сакральных, философских понятий. Однако некоторые книжные жанры допускали и двойной план повествования: божественный, религиозный, и бытовой, реальный – как, например, жития, в которых описывались не только высокие деяния святых, но и их детство, подвиги благочестия, оказание помощи больным и страждущим и т. п. В этих частях использовалась конкретная лексика, в том числе и производные формы со стилистически нейтральными суффиксами.

В сфере книжных жанров наиболее продуктивным формантом, оформлявшим производные образования со значением действия, был суффикс *-ние*. Модель с этим суффиксом характеризуется синкретизмом семантики, связанным не только с отражением особой формы сознания, но и со структурой этих образований. Будучи производными от глаголов, они совмещают в своем значении субстантивные и вербальные компоненты. Семантика форм на *-ние*, как и других отглагольных имен, зависит от семантики производящего глагола, связь с которым обуславливает способность передавать различные оттенки отношения к действию.

В религиозных произведениях ПВЛ употребляется целый ряд форм на *-ние*, соотносящихся с глаголами конкретного физического действия, которые подвергаются терминологизации и обозначают определенные церковные обряды, ритуалы: *пѣнье* – ‘молитвенное пение, молитва’, *стоянье* – ‘молитвенное стояние, молитва’, *кланянье* – ‘поклонение’, *исповѣданье* – ‘исповедь, покаяние’, *покаянье* – ‘сознание в грехах, раскаяние’, *чтение* – ‘чтение богослужебных книг’ и т. д. В одном ряду оказываются дериваты, мотивированные глаголами конкретного физического действия (*пѣние, стояние, кланянье*), и дериваты, мотивированные глаголами психического, морального действия (*исповѣданье, покаянье* и др.). Первые обозначают церковные ритуалы, совершаемые независимо от волеизъявления субъектов действия, предусматриваемые укладом церковной, монастырской жизни, вторые – всегда согласуются с желаниями, нравственным настроением верующих. Например, в *Сказании о Печерском монастыре*: „И устави въ манастири своемь. како пѣти пѣнья манастирская. и поклонь какъ держати. И чтенья почитати. и сто-

³ О. Г. Р е в з и н а, *Структура словообразовательных полей в славянских языках*, Москва 1969, с. 30.

янье в церкви. И весь рядъ церковьнии и на трапезѣ сѣданье” (1051 г.); в *Житии Феодосия Печерского*: „Бодру быти на гѣнье церковное. И на преданья отъчская. и почитанья книжная” (1074 г.) и др. Значение определенного церковного действия у подобных дериватов эксплицируется в контексте, в стилистически значимом окружении. Актуализаторами его выступают прилагательные *монастырьскыи, церковьнии, отъчскыи, книжьныи* и др., существительные с предлогами в функции обстоятельства места действия: *в церкви, на трапезѣ*, ряды однородных членов, каждый компонент которых стилистически и семантически маркирован.

В контекстах религиозного содержания дериваты на *-ние* не только терминологизируются, но и лексикализуются, расширяя свой семантический объем и закрепляясь за обозначением определенных событий, проповедуемых христианским учением, например: *воплощенье* – ‘принятие телесного образа, рождение (о Христе)’, *воскресенье* – ‘возвращение умершего к жизни’, *исхоженье* – ‘исхождение святого духа’, *очищенье* – ‘духовное очищение, избавление от грехов’, *паденье* – ‘впадение в грех’ и др. Так, в *Речи философа*: „Первое нача пророчествовати о воплощеньи Божьѣ” (986 г.); „И о воскресени рекъша Давыдъ вѣстани Боже суди земли” (986 г.) и др.

Дериваты на *-ние* могут приобретать лексикализованное значение в составе устойчивых словосочетаний, в которых управляющее слово подвергается переосмыслению, приобретая религиозную семантику. Подобные сочетания обозначают определенные церковные таинства, связанные с действиями психического плана: *оставленье (грехов)* – ‘прощение’, *отпущенье (грехов)* – ‘прощение’, *очищенье (души)* – ‘духовное очищение, избавление от грехов’, *отдание (грехов)* – ‘прощение’ и др. Приведенные образования также частотны в произведениях религиозного характера: в *Речи философа*: „Послаша оученики своя проповѣдати царство небесное. покаянье в оставленьс грѣховъ” (986 г.); в *Житии Феодосия Печерского*: „Глаголетъ бо сице. Яко Богъ даль есть намъ м днии. сию на очищенье души” (1074 г.) и др.

Частотные в религиозных произведениях формы на *-ние*, мотивированные глаголами со значением отношения между предметами, характеризуют определенную ситуацию через отношение между людьми и сверхреальной силой: божественной или дьявольской. Например: *строенье* – ‘подкрепление, помощь’, *повелѣнье* – ‘приказ’, *наказанье* – ‘наставление’ и др. Например, в *Житии Феодосия Печерского*: „То азъ створю вам. не по своему изволенью но по Божью строенью” (1074 г.); в *Речи философа*: „И повелѣнемъ Божьимъ птенца в прилетѣста” (986 г.).

Пересечение смысловых оттенков в производных на *-ние*, связанное с синкретичным характером производящего глагола, приводит к совмещению разных семантических компонентов значения производного слова в определенной контекстуальной позиции. При этом дериват на *-ние* может обозначать действие, состояние и качество одновременно. Например, в *Житии Феодосия Печерского*: „Паче же имѣти к собѣ любовь всѣм. меншим и к ста-

рѣшимъ покоренье и послушанье. Старѣшимъ же и к меншимъ любовь и наказанье” (1074 г.). Актуализация значения состояния у слова *наказанье* (‘наставление’) происходит в ряду однородных членов с общим значением качественного состояния. Актуализация значения действия происходит в связи с указанием на его субъект и объект. Синтаксическая конструкция с дательным субъектно-объектных отношений указывает на направление действия, которое затрагивает нравственную сферу.

Образования на *-ние* могут выступать со значением эмоционального состояния, если они соотносятся с глаголами состояния или глаголами, обозначающими действие психического, морального плана. Они фиксируются в стилистически разнородных летописных отрывках, но в контекстах религиозного содержания приобретают более возвышенное значение. Например: *стыдѣнье* – ‘стыд, почтение’, *изумѣнье* – ‘изумление’, *наслаженье* – ‘радость’, *умиленье* – ‘успокоение, смирение’, *смятенье* – ‘смута, смятение’ и др. В *Рассказе о крещении Ольги*: „Рече бо Соломанъ желанье. Благовѣрныхъ наслаженъи душо” (955 г.); в *Рассказе об испытании вер Владимиром*: „Они же во изумѣни бывше. оудививше похвалиша службу ихъ” (987 г.) и др.

В тесной связи с категорией состояния находится в древнерусском языке категория качества. Целый ряд образований с суффиксом *-ние*, мотивированных глаголами психического или морального действия, репрезентируют качественную семантику. Подобные имена обычно соотносятся с глаголами, называющими действие, которое распространяется на самого деятеля: *тщанье* – ‘усердие’, *сѣмѣенье* – ‘покорность’, *опасенье* – ‘осторожность’, *покоренье* – ‘покорность’, *възвышенье* – ‘высокомерие’, *рассмотренье* – ‘внимательность’ и т. д. Большинство подобных образований употребляется в стилистически возвышенных отрывках ПВР, связанных с житийно-поучительной литературной традицией. Внимание к качествам человеческого характера обнаруживается в памятнике прежде всего в произведениях агиографического плана. Например: в *Житии Феодосия Печерского*: „Се предаю ти монастырь. Блюди со опасеньемъ его” (1074 г.); „Паче же имѣти к собѣ любовь всѣм меншим и к старѣшимъ покоренье и послушанье” (1074 г.); в *Похвальном слове Феодосию Печерскому*: „Иже пасяше словесныя овца. нелицемѣрно с кротостью. и с рассмотреньемъ” (1091 г.) и др.

Формы на *-ние* с конкретно-результативным значением в религиозных произведениях единичны. Они специализируются в наименовании объекта, результата, средства действия церковного назначения, например: *принесенье* – ‘приношение, дар’, *благооуханье* – ‘приятный запах, аромат’ и т. д.

Отдельную группу существительных с результативной семантикой составляют образования, обозначающие нематериальные, идеальные по своей природе явления. Если производные на *-ние* соотносятся с глаголами психического, морального действия, речи, мысли, то они подвергаются лишь частичной конкретизации, выступая с обобщенным значением предметности. Такие формы более частотны в религиозных отрывках. Например: *обѣто-*

ванье – ‘обещание, обет’, *прореченье* – ‘пророчество’, *вѣщанье* – ‘проповедь, предсказание’, *възвѣщанье* – ‘предсказание’ и др. Распределение производных данного типа по двум полюсам религиозное – мирское происходит в контексте в сочетании со смежными словесными знаками, определяющими их стилистическую маркированность.

Часть отглагольных имен существительных имеет предельно обобщенное значение предметности. Они обозначают абстрактные понятия и соотносятся с семантически нерасчлененными синкретичными глаголами: *прегрѣшенье* – ‘грех’, *согрѣшенье* – ‘грех’, *помышленье* – ‘мысль’, *познание* – ‘знание’. Выражаемые данными именами понятия до настоящего времени сохраняют своеобразный синкретизм значения. Приведенные образования характеризуются большей частотностью употребления в произведениях религиозного содержания, они употребляются в связи с осмыслением событий, характеристикой персонажей в свете христианской идеологии. Например, в *Сказании о Борисе и Глебе*: „Аще бо князи правдиви бывають в земли. то многа отдаются согрѣшенья земли” (1015 г.); в *Поучении о казнях божиих*: „Постомъ и рыданьем. и слезами омывающе вся прегрѣшенья наша” (1068 г.).

Производные с суффиксами *-ство*, *-ость*, *-ота*, так же, как и формы на *-ние*, относятся к стилистически маркированным образованиям. В произведениях религиозного содержания употребляются имена существительные с суффиксом *-ство*, мотивированные прилагательными, обозначающими душевные качества человека, типа: *мужьство* – ‘доблесть’, *оуродьство* – ‘безумие, глупость’, *прияньство* – ‘доброжелательность, преданность’, *проньрьство* – ‘хитрость, коварство’, *лукавьство* – ‘злоба, коварство’, *храбрьство* – ‘храбрость, доблесть’.

Имена существительные с суффиксом *-ство* с общим значением отвлеченного качества могли подвергаться процессам семантического переосмысления и развивать резульативные оттенки в значении, например: *уродьство* – ‘глупость’, *лукавьство* – ‘зло’, *проньрьство* – ‘хитрость’, *мужьство* – ‘зрелый возраст’ и др. Подобные образования также фиксируются в основном в контекстах религиозного содержания: в *Сказании о первых черноризцах*: „Он же не хотя славы чловечьскыя. нача оуродьство творити. и пакостити нача” (1074 г.); в *Житии Феодосия Печерского*: „Тъмже рече противитесь бѣсовьскому дѣвству и проньрьства ихъ” (1074 г.).

Ряд форм на *-ство* уже в древнерусский период приобретает новую отнесенность. При мотивировке основами имен существительных образования на *-ство* называют свойства лица, названного производящим словом: *отьчьство* – ‘свойство отца’, *сыновьство* – ‘свойство сына’, *дѣвьство* – ‘целомудрие’. Эти формы характерны для религиозных произведений. Например, в *Речи философа*: „Отцю бо отьчьство. Сыну же сыновьство. Святому же Духу исхоженье” (986 г.); „Изиде Богъ воплощенъ. родися неизреченьнѣ. И дѣвство Матери съхрани нетлѣнно” (986 г.).

Отадъективные образования с формантами *-ость*, *-ота* сохраняют большую стабильность в отношении словообразовательных связей по сравнению с именами на *-ство* и в изучаемых летописях фиксируются только со значением отвлеченного качества. Они употребляются при описании сакральных событий: в *Рассказе о крещении Ольги*: „Также и си блаженная Ольга искаше доброѣ мудрости Божьи” (955 г.); в *Житии Феодосия Печерского*: „Блюстися от лѣности и от многаго сна” (1074 г.).

Отмеченные образования могут приобретать и обобщенное значение предметности, выступая с результативными оттенками в семантике, чаще всего в форме множественного числа. В *Рассказе о крещении Ольги*: „Ищющи бо мудрости обрящють. Премудрость на исходящихъ поется” (955 г.); в *Сказании о первых черноризцах*: „Многажды бо бѣси пакости дѣяху ему” (1074 г.).

В религиозных произведениях ПВЛ употребляются имена действия и со стилистически нейтральными формантами, наиболее продуктивными из которых являются прилагательные имена нулевой суффиксации. Они могли приобретать стилистическую маркированность при мотивировке глаголами отвлеченного значения, называющими действия, состояния, связанные с религиозной традицией. Образования нулевой суффиксации в книжных жанрах употребляются с отвлеченным значением, связанным с репрезентацией основных положений христианства. Многие из них имеют дохристианское происхождение и попадают в новую христианскую терминологию: *вѣра*, *хвала*, *слава*, *мѣра*, *гнѣвъ*, *грѣхъ*, *моука* и др. Подобные формы обладают синкретичной семантикой, способностью совмещать значения действия, результата, объекта, средства в пределах одного словоупотребления. Те или иные оттенки в значении подобных имен актуализируются в контексте. Например, в *Речи философа*: „Вѣра бо наша свѣтъ есть” (986 г.). Слово *вѣра* здесь характеризуется синкретизмом значения, являясь наименованием действия, результата, способа, объекта. Терминологическое значение приобретает в этом контексте и другое образование нулевой суффиксации *свѣтъ*. При этом происходит транспозиция лексической единицы из всеобщего языка в групповой, она становится термином⁴ (1, с. 107). Слово *вѣра* характеризуется наибольшей частотностью употребления в *Сказании о распространении христианства на Руси*, где оно выступает со значением ‘вероисповедание, вера, религия’. В контекстах, не связанных с описанием церковных событий, образование *вѣра* выступает с иными оттенками в семантике, например, со значением ‘доверие’, лишенным религиозного оттенка.

Образования нулевой суффиксации могут иметь отнесенность к событиям как религиозного, так и светского содержания, выступать как стилистически маркированные или как общеязыковые, нейтральные формы. Экспликация той или иной стороны значения слова происходит в контексте, под давлением

⁴ Е.М. В е р е щ а г и н, *У истоков славянской философской терминологии: ментализация как прием терминотворчества*, „Вопросы языкознания” 1982, № 6, с. 107.

семантических и стилистических факторов. Так, образование *слава* имеет значение „прославление, хвала (Бога)” в контекстах, описывающих сакральные события, например, в *Символе веры*: „Да якоже въста Христос от мертвых съ славою Отцею” (988 г.). В народных преданиях, воинских повестях, погодных записях исторического характера слово *слава* выступает со значением ‘почесть, честь, слава’.

Образования нулевой суффиксации с конкретно-предметным значением единичны в религиозных произведениях ПВЛ. Так, слово *творь* в значении ‘творение, создание’ используется для называния результата действия высшей силы. Слово *воня* употребляется в устойчивом словосочетании *воня благоухания* в значении ‘благовонный дым жертвенных приношений’ и имеет положительную коннотацию.

Часть образований нулевой суффиксации, мотивированных глаголами конкретного физического действия, могут выступать в ПВЛ как с конкретным, так и отвлеченным значением, подвергаясь метафорическому и метонимическому переосмыслению. Так, слово *рана* имеет конкретное значение ‘порез тела’ в эпической *Повести об ослеплении Василька Теребовльского*. В произведениях религиозного содержания семантика этого образования несколько расширяется, хотя сохраняется его конкретное значение. Образование *рана* выступает со значением ‘удар’ при описании физических испытаний, которым подвергались персонажи, реальные и мифические, в целях нравственного очищения: в *Сказании о первых черноризцах*: „Да ово от игумена Никона приимаше раны и наготу” (1074 г.); в *Речи философа*: „Хребеть мои дахъ на раны. а ланитѣ мои на заушенье” (986 г.). В результате метонимического переосмысления слово *рана* расширяет свое значение и выступает с семантикой состояния (‘беда’) в *Сказании о Борисе и Глебе*: „Яко азъ на раны готовъ” (1015 г.). Слово *плодъ* в религиозных произведениях также выступает как с конкретным значением ‘часть растения’ при описании событий, связанных с реальной действительностью, так и с отвлеченно-философским ‘результат, продукт какой-либо деятельности, развития’ в морализаторских отступлениях, цитатах из священных книг.

Более конкретное значение имели в древнерусский период образования нулевой суффиксации, мотивированные префиксальными глаголами, так как приставка вносила дополнительные смысловые оттенки в значение производящего глагола, а в результате словообразовательного процесса – и производного имени. Среди имен нулевой суффиксации, мотивированных приставочными глаголами, выделяется ряд образований, связанных с религиозной тематикой. Подобные имена чаще выступали с результативной семантикой, являясь наименованиями предметов, атрибутов, ритуалов культа, типа: *приторь, заповѣдь, поклонъ, оуставъ, сборъ* и под. Большинство подобных образований может иметь отнесенность к событиям как церковной, так и светской жизни. Например, слово *поклонъ* обозначает один из элементов церковного ритуала ‘преклонение, поклон на молитве’ в религиозных произведе-

ниях, например, в *Сказании о Печерском монастыре*: „И оустави въ манастири своємь. како ꙗ҃ти ꙗ҃нья манастирьская. и поклонъ какъ держати. и чтенья почитати” (1051 г.). Гораздо чаще слово *поклонъ* фиксируется в ПВЛ с семантикой, не имеющей религиозного оттенка: ‘поклон, приветствие в знак уважения, почтения’, и в этом значении оно характерно для погодных статей бытового или военного содержания.

Слово *оуставъ* в погодных статьях, содержащих церковные сказания, имеет значение ‘устав, законы церковной жизни’: в *Сказании о крещении Ольги*: „Заповѣда еи о церковномъ оуставѣ. О молитвѣ и о постѣ” (955 г.); в *Сказании о Печерском монастыре*: „От того же манастиря переяша вси манастиреве оуставъ” (1051 г.) и др. В народных преданиях о русских князьях, в текстах договоров слово *оуставъ* имеет светское содержание, называя ‘устав, совокупность законов или правил’, ‘постановление’.

Часть образований нулевой суффиксации с результивной семантикой употребляется в летописи преимущественно при описании событий церковной или монастырской жизни. Например, слово *сборъ* обычно используется в летописи со значением ‘собор, собрание духовных властей для рассуждения о делах веры или церкви’. Слово *заповѣдь* закрепляется за книжно-славянским стилем повествования в значении ‘совокупность предписаний, установлений какой-либо религии’ и фиксируется в окружении образований, имеющих религиозную семантику: *святыхъ, господня, Божья* и др. Некоторые образования употребляются в устойчивых терминологизированных сочетаниях, типа *новыи завѣтъ* – ‘христианская часть Библии’.

Таким образом, производные образования, составляющие поле действия и состояния, в религиозных произведениях *Повести временных лет* представлены именами со стилистически маркированными и нейтральными формантами. В погодных статьях, испытывающих влияние книжно-славянской традиции, частотны образования с суффиксами *-ние, -ость, -ство, -ота*, служащие для передачи целого пласта отвлеченной лексики. При этом они мотивируются глаголами абстрактного действия или состояния или прилагательными со значением моральной оценки. Часть форм, соотносящихся с глаголами конкретного физического действия, подвергается терминологизации и обозначает определенные церковные обряды, ритуалы. Нейтральные в стилистическом отношении производные имена нулевой суффиксации могли приобретать статус маркированности в контексте, так как отличались высокой степенью синкретизма выражаемых ими понятий и часто становились религиозными терминами.